

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ НЕ
СПИТ

Александр Романович Беляев
Человек, который не спит
Серия «Изобретения
профессора Вагнера», книга 5

Аннотация

«– Дэзи... Я не перенесу ее потери! Дэзи – мой лучший друг... Я так одинока...»

Гражданка Шмеман вытерла кружевным платочком красные подслеповатые глаза и длинный нос.

– Уверяю вас, – продолжала она, жалобно всхлипнув, – что это дело рук профессора Вагнера. Я сама не раз видела, как он приводил на веревочке собак в свою квартиру... Что он делает с ними? Боже! Мне страшно подумать! Может быть, моей Дэзи нет в живых... Примите меры, прошу вас!.. Если вы не сделаете этого, я сама пойду в милицию!.. Дэзи, моя бедная крошка!..»

Содержание

I. Странный жилец	4
II. По «собачьему делу»	9
III. Человек, который не спит	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Беляев

Человек, который не спит

I. Странный жилец

– Дэзи... Я не перенесу ее потери! Дэзи – мой лучший друг... Я так одинока...

Гражданка Шмеман вытерла кружевным платочком красные подслеповатые глаза и длинный нос.

– Уверяю вас, – продолжала она, жалобно всхлипнув, – что это дело рук профессора Вагнера. Я сама не раз видела, как он приводил на веревочке собак в свою квартиру... Что он делает с ними? Боже! Мне страшно подумать! Может быть, моей Дэзи нет в живых... Примите меры, прошу вас!.. Если вы не сделаете этого, я сама пойду в милицию!.. Дэзи, моя бедная крошка!..

И мадам Шмеман вновь заплакала... Ее худые старые щеки покрылись красными пятнами, нижняя губа отвисла.

Жуков, председатель жилищного товарищества, круто повернулся на стуле и щелкнул пальцами. Он терял терпение.

– Успокойтесь, гражданка! Уверяю вас, что мы примем меры. А сейчас, простите... Я очень занят...

Шмеман глубоко вздохнула, поклонилась и вышла.

Жуков вздохнул с облегчением и обернулся к секретарю

правления Кротову.

– Фу!.. Измучила! Бывают же такие настырные бабы!

– Да... – задумчиво отозвался Кротов. – Бедовая старуха! А дело расследовать надо. Ведь это четвертый случай пропажи собак только на нашем дворе. Соседи тоже жалуются. Что за собачий мор? Я не удивлюсь, если действительно окажется, что собак крадет профессор Вагнер. Только на кой черт они ему нужны? Воротники на шубу делает? Странный человек! Подозрительный человек!

– Профессор!

– Что из того, что профессор? Может быть, он фальшивые деньги делает.

– Из собак?

– Ты не смейся. Бывали случаи! Собаки – особая статья. Ты обрати внимание: у него в комнате всю ночь свет. На оконной занавеске его тень часто видна. Шатается по комнате... Полуночник!

– Да, со странностями человек... На днях я еду домой в трамвае. Гляжу, напротив сидит профессор Вагнер. В каждой руке по книжке держит и обе сразу читает. Я в книжки заглянул. Одна – русская, все цифры разные, а другая – немецкая. И вот что удивительно: каждый глаз у него отдельно по строчкам бегаёт: одним глазом одну книгу читает, другим – другую. Кондукторша подошла к нему. «Билет, – говорит, – возьмите!» Он на нее один глаз поднял, а другим в книжку смотрит. Она так и ахнула. И публика вся на него

установилась. Смотрят, рты открыли от удивления, а он хоть бы что...

– Может быть, он с ума сошел?

– Все возможно...

Стукнула дверь. В комнату вошла Фима, старая экономка профессора Вагнера.

– Здравствуйте вам! Барин мой за квартиру деньги прислал.

– Были бары, да все вышли! – сказал Жуков.

– Ну, хозяин, что ли, Вагнер.

– А вот она нам скажет!..

– Расскажи нам, Фима, что твой «барин» с собаками делает.

Фима безнадежно махнула рукой.

– Много собак-то у него? Говори правду!

– Сколько у него собак, сказать не могу: не пускает он меня во вторую комнату, где они у него. А собаки есть. Слышно, как лают. Ночью раз подсмотрела я в щелочку. Ну что же? Сидит собака, привязанная на коротком ошейнике. Лечь не может. Спать ей, видно, смерть как хочется. Голова так и виснет. А он сидит около да ее так ласково под шейей щекочет: спать не дает. И сам он не спит. Он никогда не спит!

– Как же так не спит? Человек не может не спать.

– Уж не знаю как, а только совсем не спит. И кровать давно выбросил. «Чтоб ее, – говорит, – и званья не было! Кровать, – говорит, – только больным нужна».

Жуков и Кротов с недоумением посмотрели друг на друга.
– Вот сумасшедший!

– Не иначе, как сумасшедший, – охотно согласилась Фима. – Только привычка моя: пятнадцать годов живу я у него, а то давно бы от него ушла... Был человек как человек, а вот уже с год совсем на себя не похож. Прямо как бы не в себе.

– С чего же это началось у него?

– Кто ж его знает? Может, сглазу?.. Сначала начал он вроде как гимнастику делать. Придешь к нему в комнату, он будто танцует: правой ногой вроде как польку, а левой – вроде как вальс. И руками по-разному отбивает. А потом глазами косить стал. Сидит перед зеркалом и глазами косит. Однажды смотрю на него, а у него один глаз в потолок смотрит, а другой – на пол. Я так всю посуду на пол и грохнула, – обомлела.

– Собачку шмеманскую знаешь ты? Дэзи кличут.

– Беленькая, кудластенякая такая? Как не знать!

– Так вот, не утащил ли твой хозяин и эту собачку?

– Видать не видала, а все может быть. Заболталась я, а у меня там утюг остынет... Вот деньги!..

– Что ж так мало?

– Барин говорит, хозяин мой, что в ЦИКАПУ записан и право на дополнительную площадь имеет.

– Какая такая ЦИКАПУ? – спросил Кротов.

– ЦЕКУБУ! – догадался Жуков.

– Пусть удостоверение представит, а пока по-прежнему

должен платить. Так и передай.

– Ладно! – И, утирая нос краем фартука, краснощекая Фима выбежала из комнаты.

– Придется сообщить милиции. Этот сумасшедший еще дом подожжет или ужокошит кого!

II. По «собачьему делу»

Дело по обвинению профессора Вагнера в краже собак собрало полный зал публики. Знакомые, встречая друг друга, спрашивали:

– Вы тоже по «собачьему делу»?.. По повестке?

– Нет, из любопытства!.. Профессор – и вдруг собак крадет!.. Что он, ест их?..

– А я по повестке. Свидетель. Ведь и у меня Тузик пропал! Хорошая собака. Думаю гражданский иск предъявить...

– Прошу встать!..

В зал входят судьи.

– Слушается дело по обвинению гражданина Ивана Степановича Вагнера в краже...

К столу подошел профессор Вагнер. На вид ему можно было дать не более сорока лет.

В его каштановых волосах, в окладистой русой бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза дышали силой и здоровьем.

«И про этого человека говорили, что он совсем не спит!» – подумал судья, с недоумением оглядывая обвиняемого. Он ожидал встретить изможденного старика. И уже с живым интересом судья стал задавать формальные вопросы.

– Ваше имя, отчество, фамилия?

– Иван Степанович Вагнер.

– Возраст?

– Пятьдесят три года...

В публике удивленно переглядывались.

– Занятие?

– Профессор Московского университета.

– В профсоюзе состоите?

– Состою. Работников просвещения.

– Партийный?

– Беспартийный. Под судом и следствием не состоял.

– Гражданин СССР?

– Да.

– Женат?

– Вдовец.

– Признаете себя виновным?

Профессор Вагнер неопределенно пожал плечами.

– Нет, не признаю.

– Но собак-то вы похищали?

– Разрешите дать объяснение после допроса свидетелей.

– Хорошо. Запишите, – обратился судья к секретарю: –

«Обвиняемый виновным себя не признал». Вызовите свидетеля, участкового милиционера Ситникова! Что вы можете показать по делу?

– В наше отделение милиции поступали заявления от граждан Бондарного переулка о пропаже собак. У гражданина Полякова пропал очень дорогой сеттер, у Юшкевич –

мопс, а у Дерюгиных – даже персидский кот. Собаки исчезали бесследно. Их трупов не находили. Собак, очевидно, кто-то крал.

– Производили вы розыск?

– Пропала собака – дело не большое. Признаться, у нас не было времени по каждому случаю розыск делать. Но когда поступили жалобы гражданки Шмеман на гражданина Вагнера и заявление правления жилищного товарищества, мы стали наводить справки. Почти все потерпевшие указывали на профессора Вагнера. Он вообще чудной какой-то. Говорят, по ночам не спит. Или дома работает, или по улицам шатается. Дворник ихнего дома видел несколько раз, как Вагнер ночью возвращался домой с собачкой на аркане. В комнате его собаки лают, визжат. Улики были серьезные.

Поэтому, вследствие поступивших заявлений, мы решили произвести у профессора Вагнера обыск и выемку его бумаг. Обыск производил я в присутствии председателя правления жилищного товарищества, дворника и гражданки Шмеман.

В первой комнате обвиняемого ничего предосудительного найдено не было, кроме различных инструментов и машин неизвестного происхождения. Во второй комнате мы застали шесть собак различной породы, пола и возраста. Все они были привязаны к стене на коротких ремешках. У некоторых из них свисали головы, как бы околевали или устали очень. А на столе лежала белая собачка, лохматенькая, с пробитой в черепе дыркой, так что мозги видны были. Гражданка Шме-

ман опознала в труппе свою собачку, закричала и в обморок упала...

В зале суда послышались сдержанные рыдания Шмеман.

– Дэзи, Дэзи!.. – шептала она, всхлипывая.

– Забранные бумаги мною представлены в суд, – закончил милиционер.

– Распишитесь. Свидетель Жуков!

Жуков, председатель правления жилищного товарищества, подтвердил показания милиционера.

– Произвести обыск, – добавил он, – нас заставило еще то обстоятельство, что профессор Вагнер является очень непонятным жильцом. Жильцы думают, что он помешанный, и даже боятся детей выпускать. Во избежание паники и дезорганизации населения я просил бы подвергнуть Вагнера психиатрической экспертизе.

Может быть, он опасен, – почему-то смутившись, прибавил Жуков, – и его выселить надо.

Профессор Вагнер улыбнулся.

– Чем же он опасен? – спросил судья.

– Как вообще ненормальный! И соседи жалуются: шипит у него что-то в комнате, жужжит, а то взрывы вдруг... Еще дом взорвет!.. И собаки целую ночь воют... Неудобный жилец, одним словом.

– Гражданка Шмеман!

– Господин судья! – начала она дрожащим голосом, утирая платком слезы, и тотчас поправилась:

– Гражданин судья!.. Он – убийца! – Она указала на Вагнера пальцем с двумя обручальными кольцами. – Я вдова... У меня никого нет... Он убил моего лучшего друга... Моя Дэзи!.. – И Шмеман опять заплакала.

– Вы предъявляете гражданский иск?

– Какой иск? За что?

– За собачку... Вы об этом просите в вашем заявлении...

– Ничто не вознаградит меня за потерю!.. – трагически произнесла она. – Я не знаю, что там написано...

Остальные свидетели не внесли чего-нибудь нового. Дворник подробно рассказывал, как пропадали собаки на их дворе, как пропала и «остатняя» собачка Дэзи, как он видел Вагнера, приводившего в дом собак...

Один из свидетелей опознал свою собаку среди «жертв» профессора Вагнера. Собака была жива, но она выглядела необычайно утомленной и, приведенная домой, проспала трое суток непробудно.

– Среди бумаг, – сказал судья, когда допрос свидетелей был закончен, – у профессора Вагнера были взяты во время обыска журналы с различными записями, очевидно о производимых им опытах над животными. Я оглашу некоторые из них.

– Вот, – начал судья, – записи профессора Вагнера об опытах:

«Опытное животное: Диана, сеттер, самка, вес двадцать два килограмма. Вязкость крови во время

бодрствования – две целых восемьдесят девять сотых. Вязкость крови в период истощения бессонницей – одна и сорок шесть сотых».

Имеется и ряд таких таблиц:

«Криоскопическая точка: нормальное состояние – пятьдесят девять сотых градуса; состояние повелительной потребности сна – пятьдесят восемь сотых градуса. Плотность: нормальное состояние – одна и шестьдесят четыре тысячных; состояние повелительной потребности сна – одна и пятьдесят семь тысячных. Вязкость: нормальное состояние – две целых семьсот одиннадцать тысячных; состояние повелительной потребности сна – два».

Обвиняемый профессор Вагнер! Свидетельскими показаниями и оглашенными документами, я полагаю, вполне установлена ваша виновность. Почему же вы не признаете себя виновным? Объясните нам...

– Граждане судьи! Я не отрицаю факта похищения собак, но виновным себя не признал, и вот почему. Всякая кража предполагает корыстную цель. У меня такой цели не было. Вы сами огласили документы, из которых суд мог убедиться, что я преследовал исключительно научные цели. Я веду опыты, имеющие громадное значение для всего человечества. Та польза, которую должны принести эти опыты, несоизмерима с ничтожным вредом, который я причинил.

– Какие же это опыты?

После некоторого колебания профессор Вагнер сказал:

– Я работаю над проблемой усталости и сна. Победить усталость и уничтожить потребность сна – вот какую задачу поставил я себе.

– И вы успешно разрешили ее? Правда ли, что вы сами уже обходитесь без сна?

– Да, правда. Я больше не сплю и могу работать без утомления двадцать четыре часа в сутки.

В публике произошло движение. Послышались удивленные возгласы и перешептывание.

– Отчего же вы не опубликовали ваших достижений?

– Я продолжаю совершенствовать свои методы.

– Но не объясните ли вы, почему вы сочли нужным прибегать к таким странным и незаконным способам добывания собак для ваших опытов? Если опыты представляют ценность, правительство обеспечило бы вас всем необходимым для работы!

Профессор Вагнер замялся.

– Эти опыты слишком смелы. Они могли показаться даже фантастичными. В успех я верил, но на пути лежали неизбежные неудачи. Они могли погубить и дело и мою репутацию прежде, чем я достиг бы положительных результатов. И я решил производить их в тиши своего кабинета, на свой страх и риск. Но у меня было слишком мало личных средств на приобретение собак для опытов. Отказаться же от них, когда задача наполовину была разрешена, я не мог. И я был

принужден...

– Красть собак? – с улыбкой добавил судья.

Профессор Вагнер выпрямился и ответил тоном глубокого убеждения в своей правоте:

– Собачий век – каких-нибудь двадцать лет. Стоимость собаки – рубли, много – десятки рублей. Уничтожив же несколько собак, я удлиню жизнь человечества втрое, а вместе с тем утрою и ценность человеческой производительности. Если за это я заслуживаю наказания, судите меня! Мне больше нечего прибавить.

Судьи ушли совещаться. Публика зашумела, как встревоженный улей. Во всех углах образовались кучки спорящих о предстоящем приговоре. Слышались отдельные выкрики:

– Кража остается кражей!

– Но его опыты могут облагодетельствовать человечество!..

– Совсем не спать?.. – говорил какой-то улыбающийся толстяк. – Слуга покорный! Позвольте отказаться от этого благоденствия! Еще Тургенев сказал, что вся наша жизнь – сон и лучшее в жизни – опять-таки сон!..

– Может быть, он врет?

– Кто? Тургенев?

– Да нет, Вагнер, будто он совсем не спит. Не может человек обойтись без сна!..

– Суд идет!..

При напряженном внимании был выслушан приговор.

Признавая факт кражи установленным, суд присуждал профессора Вагнера к месяцу лишения свободы без строгой изоляции. «Принимая же во внимание прежнюю несудимость обвиняемого и отсутствие корыстных целей, наказание применить условно, установив годовой срок испытания...»

– Слушается дело по иску жилищного товарищества...

Публика хлынула из зала, обсуждая приговор, который, видимо, удовлетворил большинство: формально Вагнер наказан, фактически остался на свободе.

Только некоторые критиковали приговор.

– Значит, можно безнаказанно красть и убивать? – демонстративно громко спрашивала Шмеман, ища глазами поддержки.

– Если нет корысти, то нет и кражи! Вагнеру надо подать кассацию! – говорили другие.

Под перекрестными взглядами доктор Вагнер пробирался по коридору суда. Но он не обращал ни на кого внимания. Его озабочивала мысль: «Откуда же я возьму теперь необходимых для опыта собак?..»

III. Человек, который не спит

Судебный процесс имел для профессора Вагнера неожиданные последствия: к нему пришла известность, быть может, раньше, чем он этого хотел. На судебном заседании случайно оказался корреспондент одной небольшой московской газеты. Через несколько дней в отделе судебной хроники появилась заметка с интригующим названием «Человек, который не спит». В заметке описывался судебный процесс доктора Вагнера и сообщалось о том, что профессор «победил сон»: он совершенно не спит и может работать без усталости двадцать четыре часа в сутки.

Результатом этой заметки было то, что через несколько дней экономка доложила Вагнеру о приходе корреспондента «Известий». Вагнер недовольно поморщился: он привык оберегать тайну своих работ. Но, подумав немного, профессор решил использовать посещение представителя прессы: если нельзя больше ловить по ночам собак, остается прибегнуть к правительственной помощи. Продолжать опыты втайне больше не представлялось возможным, да в этом не было и большой нужды: с тем, чего он достиг, уже можно было выступать публично. Корреспондент был принят.

Пробираясь через нагроможденные машины и аппараты, корреспондент Горев увидел профессора Вагнера и в изумлении остановился. Вагнер стоял у высокой конторки. Из

носа профессора шли две резиновые трубки, выходящие сквозь отверстие оконной рамы наружу. Эти трубки как бы органически связывали профессора с окружающими его машинами, будто и он сам наполовину превратился в машину. И еще одно поразило Горева: левым глазом Вагнер просматривал какую-то книгу и делал из нее левой же рукой выписки, а правый глаз он устремил на посетителя и протянул ему правую руку.

– Прошу садиться! – любезно сказал Вагнер, не прекращая работать левой рукой.

Горев, выдавший виды, как всякий опытный корреспондент, был так поражен, что забыл все обычные подходы журналиста и молча, с полным недоумением смотрел то на бегающий по книге и рукописи левый глаз профессора, то на трубки в его носу.

Профессор заметил этот недоуменный вид посетителя и улыбнулся.

– Вас удивляют эти трубки? – любезно начал он. – Но это так просто: я слишком дорожу своим временем, чтобы ходить гулять. Между тем чистый воздух необходим для здоровья тела и ясности мысли. И вот я сделал маленькое приспособление: я вывел наружу, над крышей, две трубки, концы которых с особым приспособлением вставляются в нос. При вдыхании воздуха открывается один клапан, при выдыхании этот клапан давлением воздуха закрывается, а открывается другой, который выпускает отработанный легкими воздух.

Это маленькое приспособление дает мне возможность все время дышать свежим воздухом, и видите, какие у меня румяные щеки! Пустяковое изобретение, но оно может принести большую пользу. Представьте больных, которых нельзя выносить из комнаты. Да и современная вентиляция оставляет желать много лучшего. При помощи же этого прибора все больные могут дышать чистым воздухом. Я предвижу большее: если еще древние римляне умели проводить воду за сотни километров, создав свои монументальные акведуки, то почему бы нам не создать «аэродуки»? Можно было бы по трубам доставлять, например, горный или морской воздух. В конце концов это было бы дешевле, чем посылать больных ради воздуха за сотни и тысячи километров. Центральные трубы с особым нагнетателем будут подавать воздух в наши города, и там он будет распределяться. Горный, морской, степной или напоенный хвоей воздух будет доступен всем...

Профессор Вагнер говорил быстро, не переставая писать левой рукой. Правым глазом он продолжал смотреть на посетителя.

Горев, наконец, обрел дар слова.

– Скажите, как вы это можете?.. – И он посмотрел на скошенные глаза профессора и его левую руку.

– Писать левой рукой, управлять каждым глазом отдельно, работать и одновременно беседовать с вами? Дело в том, что у меня оба мозговых полушария действуют совершенно

самостоятельно и почти независимо друг от друга.

Но я должен вам пояснить, так сказать, мою отправную точку. Как вам известно, официально я профессор биологии. Не менее вам, надеюсь, известно и то, что современные научные дисциплины чрезвычайно быстро распадаются на самостоятельные части. На наших глазах вырастает биологическая химия. Каждое новое научное ответвление, вроде атомной теории, быстро вырастает в самостоятельную научную дисциплину. Нужны годы, чтобы постигнуть каждую из этих отдельных научных областей.

А между тем для того чтобы идти вперед, надо знать и смежные науки: биология и физиология, химия и электричество, даже геология и астрономия – все они переплетаются, взаимно влияют друг на друга. Нужен какой-то всеобъемлющий ум, чтобы охватить всю эту массу знаний. А жизнь человеческая так коротка! Мне за пятьдесят. Еще десяток – другой лет, и конец. Передо мной колоссальные задачи, которые я хочу разрешить. Значит, первое, что я должен был сделать для своей цели, это так или иначе удлинить жизнь. Сначала я думал об опытах омоложения. То, что уже достигнуто, помогло мне: я выгляжу моложе своих лет. Может быть, я и вернусь к этим опытам. Но пока я остановился на том, что было мне больше знакомо по своим работам над мозгом.

Первое, что мне пришло на мысль, это выработать способность работать отдельно каждым мозговым полушарием. К сожалению, я не могу подробно остановиться на этих ра-

ботах: это заняло бы слишком много времени. Скажу лишь, что здесь главную роль играет тренировка. Вам, может быть, приходилось видеть ритмическую гимнастику Далькроза? Детишки быстро овладевают способностью управлять асимметрическими движениями: правой рукой они могут отбивать три такта, левой – два, притом в различных темпах, одновременно проделывая различные движения и ногами. Нечто подобное проделывал и я, кстати сказать, к полному недоумению моей экономки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.